Джеймс

Баллард

Ψ

Прима Белладонна
Джеймс Грэм Баллард

Джеймс Баллард. Прима Белладонна

Джеймс Баллард
Прима Белладонна

Я встретил Джейн Сирасилайдз во время Большого Перерыва, этого всемирного прилива скуки, летаргии, этого знойного лета, этого блаженства, длившегося целых десять незабываемых лет, и, я думаю, именно он явился основным виновником всего того, что произошло между нами. Конечно, сейчас мне не верится, что я мог вести себя столь нелепо, но тогда мне казалось, что причиной всего была сама Джейн.

Что бы о ней ни говорили, но с одним все дружно соглашались — она была красивая девушка, хотя и с противоречивыми генетическими данными. Сплетники в Вермиллион-Сэндз скоро пришли к выводу, что она очень похожа на мутанта: роскошная, с оттенком червонного золота, кожа и глаза, напоминавшие каких-то насекомых; но это ничуть не беспокоило ни меня, ни моих друзей, например, Тони Майлза и Гарри Девайна, которые с тех пор уже не могут по-прежнему относиться к своим женам.

В то лето мы, в основном, проводили время на

просторном прохладном балконе моей квартиры, неподалеку от Бич-Драйв, потягивая пиво, приличный запас которого всегда имелся в холодильнике на первом этаже моего цветочно-музыкального магазина, забавляясь «и-го», популярной тогда игрой, напоминавшей шахматы, и вели бесконечные пустые разговоры. Никто из нас, кроме меня, никогда не занимался серьезным делом; Гарри был архитектор, Тони Майлзу иногда удавалось продать туристам керамику, я же обычно проводил каждое утро пару часов в магазине, отправляя зарубежные заказы и время от времени прикладываясь к банке с пивом.

Вот в такой особенно жаркий и ленивый день, когда я только что кончил упаковывать нежную сопрано-мимозу для Гамбургского хорового общества, раздался звонок с балкона.

— Магазин музыкальной флоры Паркера? — спросил Гарри. — Вы обвиняетесь в перепроизводстве. Поднимайся, мы с Тони хотим показать тебе кое-что.

Когда я оказался наверху, они оба скалили зубы, словно собаки, наткнувшиеся на интересующее их дерево.

— Ну и где же это «кое-что»? — поинтересовался я.

Тони чуть приподнял голову.

— Вон там, — слегка кивнул он в сторону жилого дома.

— Осторожно, — предупредил он меня, — не заглядись.

Я медленно опустился в плетеное кресло и, вытянув шею, огляделся.

— Пятый этаж, — сквозь зубы процедил Гарри, почти не разжимая губ. — Налево от балкона, напротив. Ну как, доволен?

— Фантастика… — ответил я, не спеша разглядывая ее. — Интересно, что еще она умеет делать?

Гарри и Тони благодарно вздохнули.

— Ну как? — спросил Тони.

— Она не для меня, но вам явно нечего бояться. Пойдите и скажите ей, что не можете жить без нее.

Гарри тяжело вздохнул.

— Разве ты не понимаешь, что она — поэтичная, нежданная, как будто вышедшая из древнего апокалиптического моря. Может быть, она божественного происхождения.

Женщина прохаживалась по комнате, переставляя мебель. Кроме большой металлической шляпы абстрактной формы на ней почти ничего

не было. Даже в полумраке удлиненные волнообразные очертания ее бедер отливали золотом и сияли. Она была как живая плеяда ярко светящихся огней. Вермиллион-Сэндз никогда не видел ничего подобного.

— С ней надо обращаться осторожно, — продолжал Гарри, уставившись в свою банку с пивом. — Застенчиво, почти таинственно. Никакой назойливости и хватательных движений.

Женщина нагнулась, чтобы распаковать чемодан, и металлические поля шляпы затрепетали над ее лицом. Я не стал напоминать Гарри, что его жена Бетти, женщина крутого нрава, непременно бы удержала мужа от любых беззастенчивых поступков.

— Она, должно быть, потребляет не меньше киловатта, — подсчитал я. — Как вы считаете, какой у нее химический состав?

— Кто знает, — сказал Гарри. — Лично мне все равно, даже если она состоит из кремнийорганических соединений.

— При такой-то жаре? — сказал я. — Да она воспламенится.

Женщина вышла на балкон, заметила, что мы наблюдаем за ней, поглядела по сторонам и вернулась в комнату.

Мы поглубже уселись в своих креслах и многозначительно переглянулись, словно триумвиры, решающие, как поделить между собой империю; немногословные, мы искоса наблюдали друг за другом: не намерен ли кто-нибудь сжульничать.

Через пять минут началось пение.

Сначала я подумал, что это трио азалий внизу почувствовало неудобства в своей щелочной среде, но частоты были слишком высокими. Звук был почти за пределами диапазона слухового восприятия и напоминал тонкое тремоло, исходящее ниоткуда и отдающееся в затылке.

Гарри и Тони хмуро посмотрели на меня.

— Твоя скотинка чем-то недовольна, — сказал мне Тони. — Ты не мог бы ее утихомирить?

— Это не растения, — сказал я ему. — На них это непохоже.

Громкость звука все нарастала, пока у меня в затылке что-то не заскрипело и не затрещало. Я уже собрался было спуститься в магазин, когда Гарри и Тони вдруг вскочили с мест и прижались к стене.

— Боже мой, Стив, смотри! — закричал Тони, в ужасе указывая пальцем на стол, на который я облокотился. Он схватил кресло и вдребезги разнес им стеклянную столешницу.

Я встал и извлек запутавшиеся в волосах осколки.

— В чем дело, черт побери? — удивился я.

Тони смотрел вниз на сплетение прутьев, охватывающих металлические ножки стола. Гарри подошел ко мне и осторожно взял меня за руку.

— Он был совсем рядом. С тобой все в порядке?

— Он исчез, — уныло произнес Тони. Он внимательно осмотрел пол на балконе, затем перевесился через перила и заглянул вниз.

— Что это было? — спросил я.

Гарри пристально посмотрел на меня.

— Разве ты не видел? Он был примерно в трех дюймах от тебя. Императорский скорпион, не меньше омара, — он устало присел на ящик из-под пива. — Должно быть, акустический. Звук совсем исчез.

После того, как они ушли, я привел все в порядок и взял себе пива. Я готов был поклясться, что на стол никто не забирался.

С балкона напротив за мной наблюдала женщина в халате из мерцающей ионизированной ткани.

На следующее утро я узнал, кто она. Тони и Гарри с женами были на пляже, возможно, обсуждая вчерашний случай со скорпионом, а я

работал в своем магазине, настраивая с помощью ультрафиолетовой лампы гигантскую Паучью орхидею. Это был трудный цветок с нормальным голосовым диапазоном в двадцать четыре октавы, но как и все терракотовые хоротропы вида К3+ 25 С5А9, без интенсивных упражнений она легко впадала в невротические минорные транспонировки, которые крайне трудно поддавались исправлению. А являясь самым старым цветком в магазине, естественно, отрицательно влияла на остальные растения. Каждое утро, когда я открывал магазин, там неизменно стоял шум, как в сумасшедшем доме, но как только я подкармливал Паучью орхидею и приводил в норму один из двух градиентов pH, все остальные растения улавливали ее сигналы, и постепенно успокаивались в своих баках.

Одна вторая, три четверти, многозвучия — все приходило в совершенную гармонию.

В неволе содержались не более десятка настоящих Паучьих орхидей; остальные, в большинстве своем, были либо «немыми», либо привоями от двудольных растений, так что мне, можно сказать, крупно повезло. За пять лет до описываемых событий я купил этот магазин у полуглухого старика по фамилии Сайерс, и за день до того,

как уехать, он выбросил растения, проявлявшие признаки дегенерации, в мусорный контейнер позади дома. Опорожняя несколько мусорных бачков, я наткнулся на Паучью орхидею, бурно разросшуюся на субстрате из морских водорослей и испорченных резиновых трубок.

Почему Сайерс решил ее выбросить, я так никогда и не узнал. До своего приезда в Вермиллион-Сэндз он был куратором старой консерватории в Кью, где впервые были выведены поющие растения, и работал там под руководством доктора Манделя, который обнаружил первую Паучью орхидею в лесах Гайаны, когда был еще двадцатипятилетним начинающим ботаником. Орхидея получила свое название от гигантского паука, который опыляет ее цветки и одновременно откладывает яйца в их мясистые семяпочки. При этом его привлекают или, как всегда утверждал Мандель, гипнотизируют звуковые колебания, испускаемые чашечкой ее цветка в период опыления. Первые Паучьи орхидеи излучали всего несколько случайных частот, однако путем гибридизации и искусственного поддержания их в стадии опыления Манделю удалось получить штамм, который максимально брал двадцать четыре октавы.

Но в самый разгар основного труда своей жизни Мандель, подобно Бетховену, совершенно оглох, и потерял возможность их услышать. Несмотря на это, он мог слышать музыку цветка, когда просто глядел на него. Однако, как ни странно, оглохнув, он перестал смотреть на Паучью орхидею.

В то утро я почти понял, почему. Орхидея пылала злобой. Вначале она отказывалась от подкормки, и мне пришлось промыть ее струёй фторальдегида; потом она начала испускать ультразвуковые колебания, означающие многочисленные жалобы хозяев собак всей округи. В конце концов, она попыталась разрушить бак с помощью резонанса.

В магазине стоял шум и гам, и я чуть было не решил закрыть все растения, а потом поодиночке разбудить (тяжелая работа, если учесть, что в магазине было восемьдесят баков), когда внезапно все стихло до едва уловимого шелеста.

Я оглянулся и увидел, что в магазин вошла золотокожая женщина.

— Доброе утро, — приветствовал я ее. — Должно быть, вы им понравились.

Она довольно рассмеялась.

— Здравствуйте. Разве они плохо себя вели?

Под черным пляжным халатом ее кожа имела

более мягкий, более нежный оттенок, но что приковало мое внимание, так это ее глаза. Они были еле видны из-под широких полей шляпы. Ее ресницы, как лапки насекомых, трепетали вокруг светящихся фиолетовых зрачков.

Она подошла к вазону с гибридными папоротниками и, качнув полными бедрами, встала рядом, глядя на них.

Папоротники потянулись к ней, их светящиеся плавные голоса страстно запели.

— Ну разве они не прелесть? — сказала она, нежно поглаживая листья. — Они так нуждаются в любви.

Низкий регистр ее голоса, дыхание, напоминающее шорох пересыпаемого прохладного песка, придавали речи женщины какой-то музыкальный ритм.

— Я только что приехала в Вермиллион-Сэндз, — сказала она, — и в моем номере ужасно тихо. Может быть, если бы у меня был цветок, хотя бы один, мне не было бы так одиноко.

Я не мог отвести от нее взгляда.

— Да, конечно, — ответил я отрывисто и с деловым видом. — Может быть, что-нибудь яркое? Скажем, вот этот морской критмум с Суматры? Это — породистое меццо-сопрано из того же

стручка, что и Прима белладонна с Байрейтского фестиваля.

— Нет, — сказала она, — он выглядит слишком бессердечным.

— Может быть, эта луизианская лютневая лилия? Если вы уменьшите подачу сернистого газа, она заиграет прелестные мадригалы. Я покажу, как это делается.

Она не слушала меня. Сложив перед грудью руки, словно в молитве, она шагнула к прилавку, на котором стояла Паучья орхидея.

— Как она прекрасна, — промолвила она, не отрывая глаз от пышных, желтых и пурпурных листьев, свешивающихся из чашечки цветка, украшенного алыми полосками.

Я прошел с ней к прилавку и включил усилитель так, чтобы был слышен голос орхидеи. Растение тут же ожило. Листья стали жесткими и яркими, чашечка цветка раздулась, лепестки ее туго натянулись. Орхидея испустила несколько резких бессвязных звуков.

— Прекрасная, но зловещая, — сказал я.

— Зловещая? — повторила за мной она. — Нет, гордая. — Она подошла поближе и заглянула в злобно шевелящуюся, огромную головку цветка. Орхидея затрепетала, колючки на стебле угрожа-

ющe изогнулись.

— Осторожно, — предостерег я ее. — Она чувствует даже самые слабые звуковые колебания.

— Тихо, — сказала она, делая знак рукой. — Мне кажется, она хочет петь.

— Это всего лишь обрывки тональностей, — объяснил я. — Она не исполняет музыкальных номеров. Я использую ее в качестве частотного…

— Слушайте! — она схватила мою руку и крепко сжала ее. Голоса всех растений в магазине низкой ритмичной мелодией слились в один поток, но один, более сильный голос, слышался над всеми: сначала он звучал тонко и пронзительно, как свирель, потом постепенно звук начал пульсировать, стал глубже и, в конце концов, разросся до мощного баритона, ведущего за собой хор других растений.

Я никогда раньше не слышал, как поет Паучья орхидея, и внимательно слушал ее. Вдруг я почувствовал что-то вроде легкого солнечного ожога, и обернувшись увидел, что женщина пристально смотрит на растений, кожа ее накалилась, а насекомые в глазах судорожно корчатся. Орхидея вытянулась в ее сторону, чашечка цветка поднялась, листья стали похожи на окровавленные сабли.

Я быстро обошел вокруг бака и выключил подачу аргона. Орхидея захныкала, в магазине начался кошмарный галдеж: оборванные ноты и голоса, срывающиеся с высоких «до» и «ля», слились в диссонанс. Вскоре тишину нарушал лишь едва уловимый шорох листьев.

Женщина схватила край бака и перевела дух. Ее кожа потускнела, существа в глазах перестали бесноваться и лишь слегка шевелились.

— Зачем вы ее выключили? — спросила она, тяжело дыша.

— Простите меня, — сказал я, — но у меня здесь товара на десять тысяч долларов, и подобный эмоциональный шторм в двенадцати тональностях может запросто выбить множество вентилей. Большая часть этих растений не приспособлена для оперы.

Она наблюдала, как газ сочился из цветочной чашечки, а листья один за другим опускались и теряли свой цвет.

— Сколько я вам должна? — спросила она, открывая сумочку.

— Она не продается, — ответил я. — Честно говоря, я совсем не понимаю, как она взяла эти октавы…

— Тысячи долларов достаточно? — спросила

она, не отрывая от меня глаз.

— Не могу, — сказал я. — Без нее невозможно настроить другие растения. Кроме того, — добавил я, стараясь улыбнуться, — эта орхидея погибнет через десять минут, если вытащить ее из вивария. Да и все эти цилиндры и трубопроводы будут смотреться весьма странно в вашей комнате.

— Да, конечно, — согласилась она, внезапно улыбнувшись в ответ. — Я вела себя глупо. — Она в последний раз взглянула на орхидею и не спеша направилась к секции напротив, где продавались произведения Чайковского, весьма популярные среди туристов.

— «Патетическая», — наугад прочитала она на ярлыке. — Я возьму ее.

Я завернул скабию и вложил в коробку буклет с инструкцией, все еще глядя на женщину.

— Не волнуйтесь так, — сказала она весело. — Я никогда не слышала ничего подобного.

Я не волновался. Просто тридцать лет, прожитые в Вермиллион-Сэндз, сузили мой кругозор.

— Вы надолго в Вермиллион-Сэндз? — поинтересовался я.

— У меня сегодня первый концерт в клубе «Казино», — ответила она. Она рассказала, что

зовут ее Джейн Сирасилайдз и что она — певица оригинального жанра.

— Почему бы вам не придти посмотреть на меня? — предложила она, и озорной огонек пробежал в ее глазах. — Я начинаю в одиннадцать. Может быть, вам понравится.

Я пришел на концерт. На следующее утро весь Вермиллион-Сэндз гудел от пересудов. Джейн произвела сенсацию. После представления триста человек клялись, что услышали все — от хора ангелов, поющих под музыку небесных сфер, до джаза. Что же касается лично меня, то, может быть, из-за того, что я слышал слишком много поющих цветов, я относился к этому более спокойно. Но теперь я знал, откуда появился на моем балконе скорпион.

Тони Майлз слушал «Сен-Луи блюз» в исполнении Софи Такер, а Гарри — Мессу си минор Баха-отца.

Они зашли в магазин и, пока я возился с цветами, делились впечатлениями от концерта.

— Изумительно, — воскликнул Тони. — Как ей это удается? Скажи мне.

— Гейдельбергская партитура, — восторгался Гарри. — Величественная, неподдельная. — Он с раздражением посмотрел на цветы. — Ты не

мог бы утихомирить их? Они тут подняли адский шум.

Шум действительно стоял адский и, поразмыслив, я понял, отчего. Паучья орхидея полностью вышла из-под контроля и к тому времени, как я смог успокоить ее, окунув в слабый соляной раствор, она уже успела погубить кустарников более чем на триста долларов.

— Вчерашнее представление в «Казино» было ничто по сравнению с тем, что она устроила здесь, — рассказал я им. — «Кольцо Нибелунгов» в исполнении Стана Кентона. Эта орхидея сошла с ума. Я уверен, она хотела убить ее.

Гарри смотрел, как растение потрясает своими листьями, делая угловатые судорожные движения.

— Мне кажется, она настроена очень воинственно. Но зачем ей убивать Джейн?

— Ну не буквально, конечно. Ее голос, по-видимому, имеет обертоны, раздражающие чашечку цветка. У других растений такой реакции не наблюдалось.

Они ворковали, как голуби, когда она трогала их.

Тони внезапно вздрогнул от радости.

На улице блеснула ярким солнцем пышная

огненно-желтая юбка Джейн.

Я представил ее Гарри и Тони.

— Цветы, похоже, сегодня молчат, — сказала она. — Что с ними случилось?

— Я чищу баки, — объяснил я. — Кстати, мы все хотим поблагодарить вас за вчерашний концерт. Как вам понравился наш город?

Она смущенно улыбнулась и не спеша стала прогуливаться по магазину. Как я и думал, она остановилась у орхидеи и устремила на нее свой взор.

Я ждал, что она скажет, но Гарри и Тони окружили ее и скоро заставили подняться на второй этаж в мою квартиру, где все утро они валяли дурака и опустошали мои запасы виски.

— Не хотите ли составить нам компанию после сегодняшнего концерта? Мы могли бы пойти потанцевать во «Фламинго», — предложил Тони.

— Но вы оба женаты, — застенчиво возразила Джейн. — Разве вас не волнует ваша репутация?

— А мы прихватим с собой жен, — беззаботно произнес Гарри. — А Стив будет держать ваш жакет.

Мы поиграли в «и-го». Джейн сказала, что раньше никогда не играла в эту игру, но она без труда разобралась в правилах, а когда начала

нас обыгрывать, я понял, что она мошенничает. Разумеется, не каждый день выпадает случай поиграть в «и-го» со златокожей женщиной с глазами, похожими на насекомых, но, тем не менее, это меня раздражало. Гарри и Тони, конечно, ничуть этому не противились.

— Она очаровательная, — сказал Гарри после ее ухода. — Кого это волнует? Все равно это глупая игра.

— Меня волнует, — возразил я. — Она мошенничает.

Следующие три или четыре дня в магазине происходило великое цветочно-звуковое побоище. Джейн приходила каждое утро взглянуть на Паучью орхидею, и ее присутствие было слишком невыносимо для растения. К сожалению, я не мог держать цветы на голодном пайке: для каждодневных упражнений орхидея была просто необходима. Но вместо гармоничных гамм Паучья орхидея испускала лишь скрипы и завывания. Меня беспокоил не сам шум, на который жаловалось не более двадцати человек, а вред, наносимый им колебательным связкам растений. Те, которые исполняли музыку XVII века, стойко переносили напряжение; цветы, предназначенные для современных композито-

ров, оказались к нему вообще невосприимчивы, однако у двух десятков романтиков полопались цветочные чашечки. К началу третьего дня после приезда Джейн я потерял исполнителей Бетховена и страшно подумать сколько — Мендельсона и Шуберта.

Джейн как будто совсем не обращала внимания на причиняемые мне неприятности.

— Что с ними всеми случилось? — спросила она меня, осматривая беспорядочно разбросанные на полу газовые баллоны и капельницы.

— Мне кажется, вы пришлись им не по вкусу, — ответил я. — По крайней мере, Паучьей орхидее. Ваш голос может вызывать у мужчин странные и причудливые видения, но у этой орхидеи он вызывает черную меланхолию.

— Ерунда, — сказала она, смеясь мне в лицо. — Отдайте ее мне, и я покажу вам, как за ней надо ухаживать.

— Тони и Гарри развлекают вас? — поинтересовался я. Меня раздражало то, что я не могу пойти с ними на пляж, а вместо этого вынужден тратить время на опорожнение баков и приготовление растворов, ни один из которых не помогал.

— Они очень забавны, — сказала она. — Мы играем в «и-го» и я пою для них. Но мне кажется,

вы могли бы почаще выбираться отсюда.

Спустя еще две недели я был вынужден сдаться. Я решил законсервировать растения до тех пор, пока Джейн не уедет из Вермиллион-Сэндз. Я знал, что на восстановление ассортимента мне потребуется, по крайней мере, три месяца, но другого выхода у меня не было.

На следующий день я получил крупный заказ на поставку колоратурной травосмеси для садового хора в Сантьяго. Они хотели получить ее через три недели.

— Простите меня, пожалуйста, — сказала Джейн, когда узнала, что я не смогу выполнить заказ. — Вы, очевидно, считаете, что лучше бы я никогда не приезжала в Вермиллион-Сэндз.

Она задумчиво заглянула в один из темных баков.

— Не могу ли я помочь вам в оркестровке? — предложила она.

— Нет уж, спасибо, — сказал я, смеясь, — я сыт этим по горло.

— Не упрямьтесь, мне это не составит труда.

Я отрицательно покачал головой.

Тони и Гарри назвали меня сумасшедшим.

— У нее достаточно широкий диапазон голоса, — сказал Тони. — Ты же сам это признал.

— Что ты имеешь против нее? — спросил Гарри. — Она мошенничает в «и-го»?

— Вовсе не это, — ответил я. — Но диапазон ее голоса куда шире, чем вы думаете.

Мы играли в «и-го» в номере Джейн. Она выиграла у каждого из нас по десять долларов.

— Мне везет, — сказала она, весьма довольная собой. — Похоже, я никогда не проигрываю. — Она пересчитала деньги и, сияя золотой кожей, аккуратно положила их в сумочку.

Вскоре из Сантьяго пришел повторный заказ.

Я нашел Джейн в кафе в окружении поклонников.

— Вы еще не сдались? — спросила она меня, бросая улыбку молодым людям.

— Не знаю, чего вы добиваетесь, — сказал я, — но стоит попробовать.

Когда мы вместе вернулись в магазин, я достал лоток с многолетними растениями. Джейн помогла мне наладить подачу газа и жидкостей.

— Давайте начнем с этих, — сказал я. — Частоты 543-785. Вот партитура.

Джейн сняла шляпу и чистым голосом начала петь гамму. Сначала водосбор заколебался, и Джейн вернулась в нижний регистр и снова начала выводить гамму, увлекая за собой растения.

Они вместе прошли пару октав, затем растения споткнулись, прервав стройную последовательность аккордов.

— Попробуйте полутоном выше, — посоветовал я. Добавил в бак немного хлористой кислоты и водосбор энергично последовал за ней, издавая своими цветочными чашечками нежные дискантовые вариации.

— Великолепно, — сказал я.

На выполнение заказа у нас ушло всего четыре часа.

— У вас получается лучше, чем у орхидеи, — похвалил я ее. — На каких условиях вы желаете работать? Могу предложить вам большой прохладный бак и сколько угодно хлора.

— Будьте осторожны, — предупредила она. — Я могу согласиться. Почему бы нам не настроить еще несколько растений, раз уж мы принялись за это дело?

— Вы устали, — сказал я. — Давайте пойдем отсюда и выпьем что-нибудь.

— Можно мне попробовать с орхидеей, — предложила она. — Эта задача более трудная.

Она не спускала глаз с цветка. Я подумал, что они будут делать, если останутся наедине. Может быть, до смерти замучают друг друга своим

пением?

— Нет, — сказал я. — Давайте завтра.

Мы поднялись на балкон, налили себе по бокалу и весь остаток дня проговорили.

Она немного рассказала о себе, но все же я выяснил, что отец ее был горным инженером в Перу, а мать — танцовщицей в захудалой таверне в Лиме.

Они переезжали из одного места в другое, отец разрабатывал свои концессии, а мать пела в ближайшем борделе, чтобы уплатить за жилье.

— Она, конечно, только пела, — добавила Джейн, — до того, как умер отец.

На кончике соломинки в ее бокале забурлили пузырьки.

— Итак, вы полагаете, что на моем концерте каждый видит и слышит то, что он хочет. Кстати, а что видели вы?

— Боюсь, со мной вы потерпели неудачу, — сказал я. — Ничего не видел. Кроме вас.

Она опустила глаза.

— Такое иногда случается, — сказала она. — Но на этот раз я рада.

Миллионы солнц зажглись внутри меня. До этого момента я еще как-то сохранял рассудительность.

* * *

Тони и Гарри были вежливы, хотя и явно расстроены.

— Я не могу поверить в это, — печально сказал Гарри. — Не могу. Как тебе это удалось?

— Конечно же, благодаря мистическому и лицемерному подходу, — ответил я.

— Все древние моря, да темные колодцы.

— А какая она? — нетерпеливо спросил Тони. — Я имею в виду, она огненная или просто горячая?

Каждый вечер Джейн пела в казино с одиннадцати до трех часов ночи, а остальное время мы, как мне казалось, всегда были вместе. Иногда на закате дня мы уезжали в Ароматную пустыню и, сидя вдвоем у водоема, наблюдали, как солнце заходит за рифы и горы, вдыхали тяжелый воздух, насыщенный приторным ароматом роз, и чувствовали, как нами овладевает покой. А когда начинал дуть прохладный ветерок, мы бросались в воду, купались, и после этого возвращались, наполняя городские улицы и веранды кафе запахом жасмина, мускусной розы и голиантемума.

Порой мы отправлялись в Лагун-Вест в какой-нибудь тихий бар и ужинали там, сидя на

отмели, Джейн подшучивала над официантами и подражала пению птиц к удовольствию детей, прибегавших, чтобы посмотреть на нее.

Сейчас я понимаю, что тогда я, очевидно, приобрел в городке дурную славу, но я был не против того, чтобы дать старухам — а рядом с Джейн все женщины выглядели старухами — очередной повод для сплетен. Во время Большого Перерыва все мало о чем беспокоились, а потому и я не очень-то стремился анализировать мои отношения с Джейн Сирасилайдз. Когда мы вдвоем сидели прохладным ранним вечером на балконе, или когда я чувствовал в ночной темноте рядом с собой ее тело, меня вообще мало что волновало.

Как это ни глупо звучит, но единственной причиной для разногласий было ее мошенничество в «и-го».

Помнится, однажды я упрекнул ее в этом.

— Знаешь ли, Джейн, что ты обманом вытянула из меня более пятисот долларов? И ты до сих пор продолжаешь обманывать. Даже сейчас!

Она ехидно рассмеялась.

— Разве я обманываю? Когда-нибудь я дам тебе возможность выиграть.

— Но зачем ты это делаешь? — настаивал я.

— Так интереснее, — сказала она. — В против-

ном случае играть было бы слишком скучно.

— Куда ты поедешь из Вермиллион-Сэндз? — спросил я ее.

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Почему ты об этом спрашиваешь? Я думаю, что я никуда отсюда не уеду.

— Не дразни меня, Джейн. Ты родилась в ином мире.

— Мой отец родом из Перу, — напомнила она.

— Но не от него же ты унаследовала свой голос, — сказал я. — Интересно было бы послушать, как поет твоя мать. У нее был лучше голос, чем у тебя, Джейн?

— Она думала, что лучше. Но отец терпеть не мог нас обеих.

В тот вечер я в последний раз видел Джейн. Перед тем, как ей отправиться в казино, мы переоделись и полчаса провели на балконе: я слушал ее голос, который подобно спектральному источнику наполнял воздух золотыми переливающимися звуками. Даже после того, как Джейн ушла, музыка осталась со мной, еле слышно кружась в темноте вокруг ее стула.

После ее ухода мне почему-то страшно захотелось спать, и в половине двенадцатого, когда она должна была появиться на сцене казино, я

вышел из дома, чтобы прогуляться вдоль пляжа и выпить где-нибудь чашечку кофе.

Как только я спустился вниз, сразу услышал музыку, звучащую в магазине.

Сначала я решил, что забыл выключить один из усилителей, но я слишком хорошо знал этот голос.

Жалюзи на окнах магазина были плотно закрыты, поэтому я пошел в обход, вдоль задней стены жилого дома, и вошел внутрь через проход из гаражного дворика.

Свет был выключен, но магазин наполняло алмазное сияние, отбрасывавшее золотые огни на баки, стоявшие на прилавках. По потолку плясали струящиеся разноцветные отблески.

Я уже слышал эту музыку, но только в увертюре.

Паучья орхидея увеличилась раза в три, вылезла из-под крышки бака, листья ее распухли и свирепо шевелились.

Повернувшись в ее сторону и запрокинув голову, стояла Джейн.

Почти ослепленный светом, я подбежал к ней, схватил за руку и попытался оттащить от растения.

— Джейн! — закричал я сквозь шум. — Уходи

отсюда!

Она оттолкнула мою руку. В ее глазах промелькнула тень стыда.

…Я сидел на ступеньках лестницы у входа, когда подъехали Тони и Гарри.

— Где Джейн? — спросил Гарри. — С ней что-нибудь случилось? Мы были в казино. — Они повернули головы на звуки музыки. — Что здесь происходит, черт побери?

Больше я никогда не видел Джейн. Мы втроем ждали в моей квартире. Когда музыка совсем утихла, мы спустились вниз в темный магазин. Паучья орхидея уменьшилась до обычного размера.

На следующий день она погибла.

Куда исчезла Джейн, я так и не знаю. Вскоре после этих событий Большой Перерыв закончился и началась реализация Больших Правительственных программ.

Вновь пустили часы и всех заставили отрабатывать потерянное время, так что нам было не до жалости к нескольким помятым листочкам. Гарри рассказал мне, что Джейн видели по дороге на Ред-Бич, а я недавно слышал, что какая-то женщина, очень похожая на Джейн, выступает в ночных клубах по эту сторону от Пернамбуку.

Так что, если кто-нибудь из вас держит цветочно-музыкальный магазин и имеет в нем Паучью орхидею, — берегитесь златокожей женщины с глазами, похожими на насекомых. Возможно, она сыграет с вами в «и-го» и, к сожалению, обязательно смошенничает.